

УДК 343.8

Ю.В. БАРАНОВ,
кандидат юридических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Мало кто отрицает, что Россия имеет довольно специфические условия развития. Одной из глобальных специфик российских реалий является наличие на ее просторах проблематики пограничных культур, которая в международной практике обозначена терминологией «диалог культур». Соответственно, любые исследования должны учитывать данный аспект, в том числе и исследования в сфере ресоциализации российских осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания.

Казалось бы, что может быть общего между столь отдаленными друг от друга процессами? Ресоциализация осужденных представляет собой процесс их возвращения в рамки общественно приемлемой формы жизнедеятельности, а диалог культур развивается в зонах схождения культур, или так называемых зонах пограничных культур. Но именно подобной зоной пограничной культуры является территория всей России. Таким образом, процессы ресоциализации осужденных в российских реалиях имеют существенную специфику – они в принципе резонируют с процессами межкультурной коммуникации, вписываются в рамки диалога культур.

Проблема диалога культур имеет множество граней [1; 2; 3; 4], среди которых большинство имеет политическую окраску, подоплеку. Связано это если не с открытым, то скрытым доминированием, желанием доминирования той или иной культуры как в пограничной зоне диалога, так и на территории другой культуры. А потому анализ диалога культур в России связан с некоторыми методологическими трудностями. Но имеется возможность анализа аналогичных процессов, происходящих в других странах с подобной пограничной культурой. Наиболее ярко подобная проблематика разработана в странах Латинской Америки [5; 6].

Уникальный метод историко-культурного анализа, соединяющий в себе классические методы истолкования исторического, культурного и философского материала с современными на-

учными тенденциями, который может рассматриваться в рамках постмодернистского дискурса «освобождения», исторически опосредованного дискурсом «поиска собственной сущности», был создан великим латиноамериканским исследователем Л. Сеа. Он впервые начал рассматривать процессы социализации и ресоциализации, интеграции общества в сложнейших условиях межкультурной коммуникации [7-14].

Л. Сеа истолковывает историю, культуру как результат реализации проектов, представляющих собой некий направляющий принцип, некий ориентир движения как целого. То есть под «проектом» им понимается некая совокупность идей, принципов, вариантов решений, предложенных для переустройства действительности в различные периоды становления культурно-исторической целостности. С данной точки зрения, истоки европоцентристского взгляда на мировой исторический процесс в античности, по его мнению, были заложены в так называемом «аристотелевском прецеденте», противопоставлении статусов. Впоследствии противопоставление «господин – раб» превратилось в дихотомию «гражданин – не-гражданин», породив в итоге главную идею европейского мира: о превосходстве христианского идеала человека; идеала, который надо было распространить и реализовать на нехристианских территориях [15]. По отношению к осужденным, отбывающим лишение свободы, данная дихотомия трансформировалась в противопоставление «начальник –

осужденный», получившее в российских реалиях грозное звучание¹.

Но, впоследствии, благодаря, в том числе, и институту прав и свобод человека, противостояние членов общества плавно начало преобразовываться во взаимосвязь «Я» – «другой». На уровне сообществ данная взаимосвязь способна трансформироваться в новую оппозицию «мы – они». В среде осужденных формируются группы, противопоставляющие себя другим группам либо администрации исправительных учреждений по тому же принципу. Результатом является дальнейшая трансформация данных взаимоотношений в оппозицию «свои – чужие».

В данном ракурсе проблемы ресоциализации до сих пор не рассматривались. Среди новейших исследований междисциплинарного характера можно выделить лишь исследования В.Д. Филимонова и О.В. Филимонова [17]. На основе анализа правоотношений, возникающих, в том числе, и в сфере уголовно-исполнительного права, они приходят к выводу о том, что правовым может быть определено поле деятельности, охваченное регуляцией со стороны права, но также им может являться и само правоотношение, в пределах которого участники общественных отношений удовлетворяют свои потребности. В зависимости от участия тех или иных субъектов правоотношений, правовое поле обладает разными свойствами. В уголовно-исполнительной сфере они преобразовываются во властеотношения, где одной стороной выступают представители администрации исправительного учреждения, а с другой – осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы в данном учреждении [17, с. 226]. Далее, соответственно, и возникают вопросы изменения правового поля.

Авторы пишут, что в процессе формирования отношений между членами социальной группы, между отдельными членами и группой как целостным образованием сложились принципы таких отношений. На их основе, по мнению В.Д. Филимонова и О.В. Филимонова,

возникли нормы, которые, изменяясь, дополняясь и совершенствуясь, регулировали общественные отношения на протяжении всей истории развития человеческого общества. Данные нормы они называют нормами социальной справедливости. По мнению вышеуказанных исследователей, именно они были восприняты законодательными органами и облечены в правовую оболочку [17, с. 28, 54]. Как следствие, возникла необходимость защиты данного правового поля.

В.Д. Филимонов и О.В. Филимонов пишут, что развитие правовых отношений проявляется в процессе, выражающем переход количественных изменений в сознании лица в качественные. Утверждается, что под влиянием исправительных мер и положительного воздействия окружающей среды в сознании лица возникают социально-полезные взгляды и представления, которые формируют социально-полезное отношение к утвердившимся в государстве общественным отношениям [17, с. 238], то есть из отдельных поступков и фрагментов поведения складывается определенная линия поведения, которая затем превращается в качественно иную форму поведения – правоупослушную, правоотрицающую и т.п.

Но из приведенных рассуждений логически не может вытекать вывод о том, что развитие личности достигается путем последовательного включения его в различные виды правовых отношений, как это констатируют вышеуказанные авторы [17, с. 236]. Имеется множество иных отношений и связей, которые и не могут быть урегулированы правом.

В подобных исследованиях стабильность существует лишь при выведении за рамки анализа интенсивных правовых процессов (например, рецепции права из других правовых систем), а также не вполне наблюдаемых процессов формирования правовой ментальности [18, с. 54-63]. Более того, В.Д. Филимонов и О.В. Филимонов вынуждены признать, что правоотношения – это то правовое поле, в пределах которого участники общественных отношений удовлетворяют свои потребности, и в его пределы государство, равно как и другие участ-

¹ Исследования в данном контексте в России только начинаются [16].

ники общественных отношений, вторгаться не имеют права [18, с. 98].

Иное происходит при нарушении сторонами норм права, когда действительно требуется вмешательство государства для устранения конфликтной ситуации либо для охраны действий участников общественных отношений от вмешательства извне. В данных случаях, к которым и относится назначение наказания в виде лишения свободы, действие правовых норм должно быть связано с принудительными механизмами и санкциями. Но в остальных случаях пребывание человека в роли субъекта права либо участника правоотношения вовсе не означает одновременного нахождения его в юридических отношениях с государством.

Рассматриваемые процессы в зоне диалога культур попадают в своеобразную среду турбулентности, смещения самых различных компонентов правового и неправового. Л. Сеа в данном русле говорит о необходимости преодоления установившегося мироощущительного барьера, поддержания баланса между варварством и цивилизацией. По его мнению, необходимо преодолеть суждение о том, что представители той или иной культуры либо субкультуры принадлежат варварскому миру, и тем самым победить ощущение их неполноценности и ущербности [19]. Данные тезисы напрямую касаются проблем ресоциализации осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания. Они должны иметь право преодолеть сложившиеся комплексы неполноценности и пограничности (маргинальности), что подразумевает их общее участие во всех процессах, происходящих в нашей стране и за рубежом. Ресоциализация и есть приобщение к наличной культуре.

Вследствие того, что в российских реалиях в местах лишения свободы оказываются представители разных наций и национальностей, сообщества внутри данных учреждений закономерно повторяют их палитру. Представители некоторых наций и национальностей не испытывают особых трудностей с адаптацией к суровым условиям мест лишения свободы, другие страдают больше, так как привыкли к более комфортным с физиологической точки зрения

условиям, третьи вовсе не могут эффективно адаптироваться к ним. Если представители одной нации в исправительном учреждении оказываются в большинстве и они способны к сплочению, то вполне возможно их доминирование в среде осужденных. Если к этому добавить возможное доминирование представителей той или иной нации среди представителей администрации учреждения, то подобное слияние факторов может привести и к существенному ущемлению интересов осужденных – представителей иных национальностей.

До сих пор не особенно поощрялось вынесение межнациональных проблем на всеобщее обсуждение. Но реалии последних лет выявляют тревожную тенденцию преобразования национальных группировок в местах лишения свободы по религиозному признаку на те или иные сообщества, придерживающиеся тех или иных религиозных воззрений. Диалог культур смещается в сторону диалога религий. Данное смещение с точки зрения антропологии говорит о тревожной тенденции постепенного ухода из сферы социальной регуляции права, возврате доправовых регуляторов.

В любых сообществах действуют шесть видов основных нормативных регуляторов, среди которых биолого-психологические, корпоративно-групповые, брачно-семейные и мифолого-религиозные можно отнести к доправовым [20]. Данные регуляторы никуда не исчезают с появлением правовых регуляторов и существуют рядом с ними, участвуя в общих процессах жизнедеятельности общества на равных с ними правах. А потому некоторое отступление правовых регуляторов может вызвать в качестве доминирующих сначала мифолого-религиозные, затем брачно-семейные, корпоративно-групповые и биолого-психологические по убывающей регуляторы. При этом необходимо понимать, что брачно-семейные регуляторы при отступлении правовых не могут стать сразу же доминирующими по причине того, что им предшествуют более совершенные мифолого-религиозные регуляторы глобальных процессов.

Таким образом, можно утверждать, что в отношениях «человек – человек» сообщество осуж-

денных способно существовать непрерывно и противостоять конфликтам и угрожающим ситуациям в двух случаях: при восстановлении изначального порядка либо нахождении нового. Только таким путем возможно достижение равновесия, определенного устройства жизнедеятельности, позволяющего выживать и сосуществовать. При этом используются сложившиеся веками схемы жизнедеятельности архаических обществ.

К.И. Гулиан пишет, что многих исследователей архаическое общество поражало скрупулезностью своих установлений, своей строгой организацией, удивительной слаженностью всей деятельности своих членов и четкостью обязательных для каждого норм поведения [21]. Не удивительно, что специфической особенностью, выдвигающей трудности для адаптации осужденных к условиям места лишения свободы, является наличие множества устных правил и норм. Они пронизывают пенитенциарное учреждение во всех направлениях, действуют каждую секунду пребывания осужденного так интенсивно и масштабно, что для вновь прибывшего складывается почти гибельная ситуация. Возникают трудности с запоминанием всех норм, регуляторов, трудности передачи информации на расстояние и т.д.

Как и в архаическом обществе, в местах лишения свободы присутствуют и такие, признаваемые «негативными», элементы культуры, как обряды, мистическая установка в отношении мира, извращение реальности, узость родовой морали, преобладание аффективного элемента над рациональным и т.д.

Постепенно мы подошли к основной проблеме пенитенциарных учреждений и других систем в том числе. Человек, при наличии провозглашенной в законе совокупности прав, не получает реальных возможностей пользования ими. Многие поколения осужденных привыкли к суровым, подчас бесчеловечным условиям отбывания наказания, о которых в приговорах ничего не говорится². Можно называть законо-

дательство «лукавым», можно ссылаться на бесконечные трудноразрешимые проблемы, суть не меняется³.

Ввиду отсутствия в местах лишения судебных органов, большинство конфликтов в них регулируется несудебным способом. Их подразделяют на две категории: когда стороны сами решают спор, и когда для разрешения конфликта требуется вмешательство третьей стороны. Возмездие или насилие, применяемое по определенным правилам, при этом возможно только в отношении лиц разных социальных формирований. Применение данной системы основывается на общих ценностях группы и сводится к двум основным идеям: нанесенный вред (оскорбление) ставит группу в положение возврата соответствующего долга; долг обиды есть долг жизни.

Таким образом, в зонах диалога культур происходит не только смешение тех или иных культур современности, их взаимодействие. На поверхность начинают выходить древние пласты архаической и традиционной культур. Процесс несколько схож с извержением вулкана, только вместо лавы в нашем случае вырывается древняя культура. Из истории мы знаем, что она связана с владением другими, как орудиями, рабовладением, жестокой эксплуатацией; недооценкой жизни как ценности и т.д. В подобных условиях довольно легко говорить о необходимости исправления тех или иных лиц, необходимости их переделывания, перевоспитания. О самоценности человеческой жизни постепенно забывают.

Ресоциализация осужденных в подобных условиях может приобретать гипертрофированные формы либо вовсе становится невозможной. В принципе, можно прогнозировать ситуацию, когда жизнедеятельность в рамках сообщества в исправительном учреждении становится для осужденного более привлекательной и понятной. А потому может отпадать основное условие ресоциализации – желание самого

²И. Ачильдиев говорит о возврате к правилам первобытного общества, похожим на законы жизни звериного стада. Цит. по [22].

³В.В. Меркурьев пишет, что акты насилия в данных условиях становятся привычным поведенческим стереотипом [23].

осужденного функционировать в рамках общества, живущего по сложным законам зоны пограничных культур.

С другой стороны, рассмотрение процессов смешения различных культур способно само помочь выявлению реальных механизмов ресоциализации не только осужденных либо освобожденных из мест лишения свободы, но и всех лиц, по тем или иным причинам оказавшихся за рамками общественных форм жизнедеятельности. В конечном итоге разработка концепции ресоциализации способна дополнить и концепцию интеграции обществ будущего, что явится лекарством, противоядием от «отчуждения». Проблема дифференциации, распада общества настоятельно требует разработки механизмов интеграции, а значит и концепции ресоциализации. Но гораздо более существенным является практическое воплощение его, и первым шагом на этом пути могла быть апробация концепции в рамках учреждений уголовно-исполнительной системы. Реалии нового времени дают шанс проверить работу масштабной концепции в рамках узкого пространства. В дальнейшем подобного шанса может не оказаться. Время все более и более уплотняется, сдвигая в единое бесконечное множество сложнейших процессов и событий.

Список литературы

1. Земсков В.Б. Латинская Америка и Россия (Проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях) // ОНС. – 2000. – № 5. – С. 96-103.
2. Земсков В.Б. Одноликий Янус. Пограничная эпоха – пограничное сознание // ОНС. – 2001. – № 6. – С. 132-139.
3. Земсков В.Б. Дисбаланс в системе взаимодействия пластов культуры как фактор культурной динамики // ОНС. – 2003. – № 2. – С. 136-142.
4. Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории // <http://www.ecsocman.edu.ru>
5. Масалова О.А. Леопольдо Зеа: методологические истоки «проекта самообретения» // Латинская Америка. – 2006. – № 8. – С. 44-50.
6. Vision de America Latina. Homenaje a Leopoldo Zea; complicacion de A. Saladino, A. Santana. – Mexico: Instituto Panamericano de Geografia e Historia, FCE, 2003.

7. Abellan J.L. Leopoldo Zea: hilo filosofico entr Espana y Mexico // *Anthropos*' 89. – 1988. – P. 48-51.

8. Fonet-Betancourt R. Leopoldo Zea ola passion por el transito de la dependencia a la liberacion // *Anthropos*' 89. – 1988. – P. 51-54.

9. Gomez-Martinez J.L. La critica ante la obra de Leopoldo Zea // *Anthropos*' 89. – 1988. – P. 36-47.

10. Iturrieta A. El pensamiento iberoamericanista de Leopoldo Zea // *Anthropos*' 89. – 1988. – P. 54-56.

11. Lertora Mendoza C.A. Identidad cultural latino americana: realidad o proyecto? // *Anthropos*' 89. – 1988. – P. 56-59.

12. Nogueira Dobarro A. Leopoldo Zea. Filosofia de la historia latinoamericana como compromiso // *Anthropos*' 89. – 1988. – P. 1-34.

13. Sanchez Vazquez A. Reflexiones sobre la obra de Leopoldo Zea // *Anthropos*' 89. – 1988. – P. 34-36.

14. Romero Baro J.M. Leopoldo Zea: del positivismo en Mexico a las ideas // *Anthropos*' 89. – 1988. – P. 59-61.

15. Масалова О.А. Диалог культур и становление латиноамериканской культурно-исторической идентичности в интерпретации Л. Зеа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2007. – С. 18-19.

16. Ратник С.Д. Наказание в контексте дихотомичности бытия // Вестник Самарского юридического института ФСИН России: межвуз. сб. науч. ст. по проблемам юрид., гуманитар. и социально-экон. наук. – Самара: Изд-во Самарского юрид. ин-та ФСИН России, 2006. – С. 113-117.

17. Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. – М.: «ЮрИнфоР-Пресс», 2007. – 335 с.

18. Ткаченко С.В. Правовая ментальность и рецепция // Вестник Самарского юридического института ФСИН России: межвуз. сб. науч. ст. по проблемам юрид., гуманитар. и социально-экон. наук. – Самара: Изд-во Самарского юрид. ин-та ФСИН России, 2006.

19. Zea L. Filosofia y cultura latinoamericanas. – Caracas – Venezuela, 1976. – Ediciones del centro de estudios latinoamericanos «Romulo Gallegos». – 228 p.

20. Ковлер А.И. Антропология права: учебник для вузов. – М.: Изд-во НОРМА – ИНФРА М, 2002. – С. 106.

21. Гулиан К.И. Амбивалентность первобытного мифа // *Философские науки*. – 1968. – № 1. – С. 157-165.

22. Белов А.И. Антропологический детектив. – М.: ООО «АиФ-Принт», 2002. – С. 242.

23. Филимонов О.В. Рецензия на монографию Меркурьева Виктора Викторовича «Защита безопасности человека и его жизнедеятельности» // «Черные Дыры» в Российском законодательстве. – 2006. – № 2. – С. 510.

В редакцию материал поступил 09.04.08.